Ю.Г. Григорьев

ПЕРВЫЕ НЕДЕЛИ ПОСЛЕ АВАРИИ НА ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ АЭС (личные оценки)

Yu.G. Grigoriev

The First Weeks after the Chernobyl Accident (Personal Assessment)

РЕФЕРАТ

26 апреля 1986 г. произошла трагедия: взорвался реактор на ЧАЭС. Об этой трагедии написано достаточно много. Даны различные оценки этому событию, включая и конъюнктурные или абсолютно не квалифицированные.

В статье описана ситуация, сложившаяся в первые недели после аварии, т.е. то, что автор статьи видел собственными глазами. Автор лично принимал участие в организации лечения облученных больных в Клинической больнице № 6 и в ликвидации аварии на территории ЧАЭС и в 30-км зоне.

Ключевые слова: *ядерная авария, Чернобыльская АЭС, организация лечения облученных больных, защита ликвидаторов аварии, мероприятия по ликвидации аварии*

ABSTRACT

April 26, 1986 a tragedy occurred: a reactor exploded at Chernobyl. It has been written quite a lot about this tragedy. Different estimates of this event are given, including opportunistic and absolutely not qualified.

The article describes the situation in the first weeks after the accident, that is, that the author saw with his own eyes. The author himself was involved in the organization of treatment of irradiated patients in the hospital № 6 and took part in the liquidation of the accident at the Chernobyl reactor disaster zone area, and 30 km zone.

Key words: *nuclear accident, the Chernobyl nuclear power plant, treatment of irradiated patients, the protection of emergency workers, measures for liquidation of the accident*

26 апреля 1986 г. произошла трагедия: взорвался реактор на ЧАЭС. Прошло 30 лет, и об этой трагедии написано достаточно много. Даны различные оценки этому событию, включая и конъюнктурные или абсолютно не квалифицированные. Я постараюсь очень кратко описать ситуацию, сложившуюся в первые недели после аварии, будучи как ответственным за прием и организацию лечения поступающих больных с острой лучевой болезнью в Клиническую больницу № 6, так и будучи членом Правительственной Комиссии по ликвидации аварии, находясь с 15 и по 29 мая на территории ЧАЭС и в 30-км зоне ЧАЭС. Мне приходилось принимать оперативно решения с учетом 36-летнего опыта работ с ионизирующим излучением и участия в Великой отечественной войне.

В 9 утра 27 апреля все замдиректора Института биофизики Минздрава СССР собрались в кабинете у директора Леонида Андреевича Ильина. Информации на этот час было очень мало, но нам, специалистам в этой области, было предельно ясно, что произошла авария реактора с радиоактивным выбросом в атмосферу. Л.А.Ильин оценил события как трагедию глобального характера.

Далее события развивались стремительно. В 10 часов утра мы все были уже в кабинете главврача больницы № 6, где уже были и представители Главка. Нам зачитали приказ по Главку.

Начальник Третьего главного управления при МЗ СССР Е.Б. Шульженко подписал приказ «О создании штаба по проведению учений», в соответствии с которым я был назначен заместителем председателя штаба. В открытых документах утром 27 апреля использовали легенду – проведение учений по гражданской обороне. Об аварии на ЧАЭС не упоминалось, эта информация на тот день была совершенно секретной. Однако к 12 часам дня в зарубежной информации прошло сообщение, что в атмосфере над Швецией и Норвегией зарегистрирован повышенный фон радиации. Мы просили прояснить ситуацию по поводу «учений по гражданской обороне», но режимная служба твердо рекомендовала нам пока придерживаться легенды. Это мешало нашей работе на первом этапе после аварии.

Начали поступать больные из Чернобыля. Судя по характеру развития первичной реакции и степени их радиоактивной загрязненности, было ясно, что поступающие имеют тяжелую форму острой лучевой болезни. Эти больные были отобраны бригадой специалистов Института биофизики, которая уже ночью прибыла на место аварии на ЧАЭС. Руководил этой группой специалист высокой квалификации В.Д. Солидовкин, который прошел школу медицинской радиологии в Институте биофизики МЗ СССР. Руководили соответствующим клиническим отделом в течение многих лет академики Н.А. Куршаков и И.С. Глазунов, под руководством которых и была воспитана группа высококвалифицированных спе-

Федеральный медицинский биофизический центр им. А.И.Бурназяна ФМБА России, Москва. E-mail: profgrig@gmail.com

A.I. Burnasyan Federal Medical Biophysical Center of FMBA, Moscow, Russia. E-mail: profgrig@gmail.com

циалистов по диагностике и лечению острой лучевой болезни (ОЛБ).

Этап первичной сортировки больных ОЛБ в этой трагедии был исключительно важным, и бригада специалистов на основе первичных проявлений болезни с этой задачей отлично справилась.

Стало ясно, что отсутствие данных от дозиметров, расположенных вокруг станции, связано с очень большим уровнем радиации, на регистрацию которого не были рассчитаны дозиметры.

Мне было поручено обеспечить прием больных, их санитарную обработку, госпитализацию и все другие работы, связанные с пребыванием в больнице этих весьма сложных пациентов. Я работал в тесном контакте с руководством больницы, с главным врачом Г.И. Сидоровым. Весь персонал больницы, осознавая степень опасности, работал слажено и преодолевал все постоянно возникающие трудности. Я имел возможность наблюдать вдохновителей лечебного процесса, заведующих отделениями и направлениями: А.С. Баранова, Н.М. Надежину, Г.Н. Гастеву, Н.А. Метляеву, Ф.К. Торубарова, А.В. Барабанову, Галустян И.А и др. Во главе этого героического коллектива была профессор Ангелина Констатиновна Гуськова. Характер работы мне напомнил работу коллектива полевого прифронтового передвижного госпиталя, в котором я работал во время ВОВ.

Зная высокую квалификацию врачей клинического отдела и его руководителя Ангелины Константиновны Гуськовой, профессора Александра Сергеевича Баранова и других специалистов, я в процесс лечения не вмешивался и сосредоточился на оперативном выполнении просьб, связанных с выполнением лечебного процесса в этот чрезвычайно сложный период для больницы № 6 и всего ее персонала. Например, не хватало крови и плазмы для переливания. В результате оперативных действий была организована бесперебойная доставка крови и плазмы. Возникла проблема для приемного покоя с дозиметристами. Эта проблема была в течение часа решена. Не хватало персонала для дежурства ночью у телефона Ангелины Константиновны (звонили круглосуточно). Я выделил на дежурство по ночам своего секретаря Н.Н. Яковлеву. Более серьезная ситуация возникла в клинике с техническими работами: упаковка и утилизация загрязненного радиоактивными изотопами медицинского материала после перевязок, инъекций и других процедур, доставка в отделение различных грузов и т.д. Был вызван полк ГО, который мы разместили в палатках во дворе больницы. Офицеры и солдаты четко выполняли свою задачу в полном объеме. Однако количество проблем увеличивалось лавинообразно с каждым часом. Надо доставать бахилы, специальные костюмы, крафтмешки, антимикробное белье, защитные очки и т.д.

Пошел поток больных «самотеком». Стали приезжать родственники по вызову для пересадки костного мозга тяжелым больным. Возникла проблема их размещения. Встала задача дезактивации территории больницы и ее помещений. Привлечение Центрнаучфильма для документации лечебного процесса потребовало больших усилий на получение разрешения и организации самой работы. Возникло предложение снять весь процесс лечения лучевых и термических ожогов. Соответствующая аппаратура в то время была только в моей лаборатории. Я немедленно выделил научного сотрудника лаборатории Валерия Павловича Макарова и всю необходимую аппаратуру. Соответствующие съемки были осуществлены в условиях существенно повышенного радиационного фона. Мы делали все возможное, чтобы облегчить невероятно тяжелый труд врачей и среднего персонала. К 5 мая в больницу поступило 172 больных с лучевой болезнью и 23 донора.

На Киевский вокзал стали прибывать беженцы из Киева, Припяти и других мест. Вместе с профессором К.И. Гордеевым организовали на вокзале санпропускники и получили решение МЗ СССР о выделении в Москве больницы для госпитализации приезжающих «по показаниям». Выехали в эту больницу, провели с персоналом инструктаж, я прочитал небольшую лекцию о лучевой болезни.

Больные, поступающие в Клиническую больницу № 6, были очень тяжелые. Врачам клиники было очень трудно с ними работать как физически, так и морально. Были прикомандированы в помощь военные врачи – соответствующие специалисты. Уже спустя несколько дней после аварии врачи явно астенизировались и малейшее замечание приводило к бурной неадекватной реакции. В моем присутствии дежурный врач, сдавая ночное дежурство и рассказывая о тяжелых больных, разрыдалась. Необходимо напомнить, что медицинский персонал, находясь в палате с больным, подвергался достаточно интенсивному облучению (вокруг палаты с некоторыми больным все ближайшие палаты были пустые – на нижних и верхних этажах и по бокам).

Мы обязаны поклониться всему медицинскому персоналу, начиная от приемного покоя, клинических отделений, стерильных боксов, специализированных кабинетов, персоналу лабораторий, и кончая сотрудниками дозиметрических постов, за их самоотверженный труд.

Подходили сроки гибели больных. Возникла необходимость решения ряда весьма специфических задач, связанных с захоронением: определение места группового захоронения, глубина захоронения с гарантией отсутствия повышенного радиоактивного фона над могилой, защита водителей машины-ката-

фалка и машины-перевозки трупа в морг и многие другие. Эти вопросы мы активно решали.

Конечно, возникали и непредвиденные ситуации.

13 мая от острой лучевой болезни умер первый больной. Патологоанатомы отказались брать труп к себе, т.к. он был весь «грязный», т.е. на его теле находились радиоактивные элементы выброса и тело очень сильно «фонило». Солдаты полка гражданской обороны принесли труп в приемный покой и положили в ванную. Нужно было отмыть труп, но все отказались. Сотрудники приемного покоя обратились ко мне с просьбой разрешить этот вопрос. Положение было безвыходное. Тогда я надел защитный костюм, надел респиратор «Лепесток», взял щетку на длинной ручке и с помощью этой щетки и воды, которая подавалась из шланга, попытался отмыть труп. Вот такой «героический» поступок был мною совершен.

С первого дня вел краткие записи – «дневник» и продолжал это делать позднее в Чернобыле. Сейчас, когда я его просматриваю, еще раз убеждаюсь, что только в нашей стране могли справиться с этой трагедией. Еще раз хочу с большим удовлетворением высказать свою точку зрения о высоком профессионализме врачей-радиологов клинического отдела Института биофизики и его руководителя профессора Ангелины Константиновны Гуськовой и Александра Сергеевича Баранова.

14 мая мне позвонил замминистра МЗ СССР Евгений Иванович Воробьев и сказал: «Юра, завтра ты должен быть в аэропорту Внуково в 11.00, полетишь в Чернобыль и заменишь в Правительственной комиссии от Минздрава Леонида Андреевича Ильина. Все согласовано. Тебя ждут. Ильин свой срок отработал и «нахватал» прилично». С Евгением Ивановичем мы дружили более 50 лет и, конечно, мы были на «ты». Я наши отношения не афишировал и не использовал ни разу в служебных целях.

В аэропорту я понял, что идет замена всего состава Правительственной комиссии (срок работы на ЧАЭС был ограничен). Со мной летели четыре замминистра различных министерств, несколько сотрудников КГБ.

Мы приземлились в Киеве, пересели в вертолет и полетели в ад, в прямом смысле этого слова. Вертолет облетел разрушенный реактор, брошенный населением город Припять, никому не нужную «зараженную» технику, брошенные поля и деревни.

В штабе, который располагался в Чернобыле, для МЗ была выделена комната, где я встретился с Леонидом Андреевичем. Мы обнялись, поцеловались и с этого момента перешли на «ты». Леонид Андреевич передал мне некоторые документы, дал характеристику радиационной обстановки на реакторе, в Припяти и Чернобыле, в 30-км зоне. Он представил меня некоторым членам Правительственной комиссии и ее председателю Ивану Степановичу Силаеву, заместителю Председателя Совета Министров СССР.

Я включился в общий ритм работы: 10.00 утра – оперативка, поездка, в основном, по вопросам радиационной безопасности по объектам и службам, которые производили различного рода работы на объекте. Участие в оперативных совещаниях. В 21.00 опять заключительное оперативное совещание, разработка плана работ для всех служб и поздно вечером – поездка на ночлег вне 30-км зоны, ужин и около часа ночи отход ко сну. В 7 часов утра – подъем. На сон оставалось около 5 часов. Через несколько дней я понял, что принятый режим работы неправильный. Я переговорил с председателем Правительственной комиссии И.С. Силаевым и объяснил ему, что работа в таком режиме может привести к срыву психического состояния наших коллег, к ошибкам при принятии решений. Он согласился со мной, и срок вечерней оперативки был перенесен на 8 часов вечера.

Ко мне была прикреплена машина «Волга». Это облегчало передвижение по Чернобылю и в 30-км зоне. На территорию АЭС надо было ехать в бронетранспортере из-за высокого радиационного фона на самой территории станции. Препятствий для передвижений я не имел, т.к. имел пропуск, в котором было написано «ВСЮДУ».

Несколько раз мне пришлось посетить станцию, четвертый блок, оценить условия работы шахтеров, которые рыли котлован под «прокладкой» взорвавшегося реактора для заливки его бетоном. Везде приходилось объяснять, как пользоваться средствами индивидуальной защиты и настойчиво требовать пользоваться ими. Была проблема, связанная с курением в зонах высокой радиоактивности. Это был реальный путь попадания радиоактивных источников в организм. Например, многие работающие в штабе выходили на улицу, садились на рядом стоящие скамейки и бесконечно курили. На оперативном совещании было принято очень простое решение – убрать эти скамейки, создать неудобство для курящих и тем самым хоть немного уменьшить попадание радиоактивной «грязи» в организм и, конечно, провести массовую разъяснительную работу.

Много времени уходило на разговоры по телефону. Звонили из Минздрава, из нашего Института, звонили люди из различных уголков нашей страны – предлагали различные народные средства лечения и т.д. В Институте по моей просьбе была создана «фармакологическая» комиссия под председательством профессора К.С. Мартиросова. Я ему передавал все поступавшие предложения о народных средствах профилактики и лечения лучевых поражений и просил срочно пересылать мнение комиссии.

Многие вопросы мы решали на месте с представителем Третьего главного управления Александром

Владимировичем Сорокиным, а также с постепенно прибывающими сотрудниками нашего института. Был очень внимателен к моим просьбам замминистра Средмаша Лев Бенеаминович Рябов.

20 мая приехал в Чернобыль новый председатель Правительственной комиссии, председатель Госснаба Союза Лев Алексеевич Воронин, который был также внимателен ко всем нашим предложениям по медико-гигиенической профилактике и защите персонала и ликвидаторов.

Серьезная проблема возникла с пожарными. Некоторые их посты располагались на самой атомной станции, в зоне четвертого блока, где уровни радиации были очень высокими. Пожарный за неделю при участии в «сменном дежурстве» мог облучиться примерно в дозе 20 рад. Я вмешался в эту ситуацию, обратился к члену Правительственной Комиссии, замминистра МВД Н.И. Демидову и начальнику объединенной пожарной охраны В.М. Максимчуку с определенными требованиями: каждый пожарный должен нести дежурство на территории в зоне четвертого блока только в течение 2 часов в неделю, пользоваться респиратором, раз в 10 дней проходить медосмотр и в эти сроки у него определять число лейкоцитов. Предложил осуществить локальную защиту пожарных на этих постах: из свинцовых блоков сделать заграждение примерно на уровне груди пожарного. Это позволяло снизить поглощенную дозу на красный костный мозг, находящийся прежде всего в тазовых костях, что в последующем оптимизировало процесс лечения. Это предложение было принято и реализовано. Между тем, к 25 мая уже 47 пожарных-находилось – по показаниям – в госпитале.

Возникла проблема и с сотрудниками ГАИ. Структура передвижения транспорта в Чернобыле резко изменилась. Радиоактивный грунт перевозился на грузовиках по второстепенным дорогам, а главная дорога, которая была связана с центральной площадью, где располагался штаб, практически интенсивно не использовалась, дорожные знаки потеряли свою значимость, светофоры не работали. Движение транспорта регулировалось только сотрудниками ГАИ. Однажды ко мне пришел офицер – сотрудник ГАИ и сказал, что он дежурит на перекрестке вблизи штаба и у него на индивидуальном показывающем дозиметре уже 25 рад, а тревоги со стороны его руководства нет, и он продолжает ежедневно выполнять свои обязанности. Конечно, проведя достаточно жесткий разговор с замминистра МВД Н.И. Демидовым, эту проблему мы решили и в дальнейшем более строго осуществлялся контроль за набранными дозами у сотрудников ГАИ.

Совершенно неожиданно передо мной стала проблема оказания амбулаторной помощи ликвидаторам. Городская поликлиника не работала, а ко мне стали обращаться ликвидаторы с просьбой оказать им ту или иную амбулаторную помощь (зубная боль, отравление, обострение гастрита и т.д.). Было ясно, что надо принимать «стабильные» решения, исходя из постоянной работы ликвидаторов в течение длительного срока в Чернобыле. Я связался с министром Минздрава Украины А.Е. Романенко, и мы начали организовывать многопрофильную поликлинику в Чернобыле. Был организован кабинет психоэмоциональной разгрузки, т.к. для меня было ясно, что многие сотрудники штаба и некоторые ликвидаторы уже находились в стрессорном состоянии. Причиной этому являлись очень сложная ситуация с реактором, напряженная и ответственная работа всего штаба. Ситуация в Чернобыле была очень похожа на фронтовую обстановку, которую я пережил в 1943–1944 гг.

21 мая в Киеве состоялось заседание актива Обкома КПСС, на котором был заслушан мой доклад о текущей ситуации в 30-км зоне и Киеве. В Киев меня командировал председатель Правительственной комиссии. Заседание проходило в очень большом зале в присутствии 600–800 человек. Для меня было важно донести до партийного актива взвешенную точку зрения специалиста, получившего многолетний опыт по проблеме радиационной безопасности в Институте биофизики МЗ СССР. Я понимал, что большинство из присутствующих оценивают ситуацию непрофессионально и считают, что Украина по вине Центра погибает. Надо было сделать так, чтобы поверили моим оценкам как специалиста. Дальнейшие события с Л.А. Ильиным, М.Г. Шандалой и А.Е. Романенко подтвердили правильность моих предположений. Своим докладом и в ответах на многочисленные вопросы я смог, как мне показалось, заставить присутствующих более объективно и без паники оценить складывавшуюся ситуацию.

В тот же день Правительство Украины принимало делегацию послов многих стран, прибывшую из Москвы. Тема была одна – состояние ЧАЭС и медицинские последствия. Председатель Совета Министров УССР А.П. Ляшко попросил меня предварительно заехать к нему и принять участие в этой встрече. Встреча с А.П. Ляшко продолжалось около часа, а потом вместе с ним мы перешли в зал приемов, где уже ожидали нас иностранные гости. Это была очень тяжелая и длительная беседа. Свои ответы я построил на базе хороших знаний и прошедшей подготовки по проблеме радиационной безопасности в Институте биофизики.

В 20-х числах мая в Чернобыле стали появляться корреспонденты, представители киностудий. На очередном оперативном совещании 24 мая было решено создать пресс-центр во главе со мной. Однако вско-

ре я попал в Чернобыле в автокатастрофу и активное участие в этой работе не смог принять.

После вечернего оперативного совещания мы все на своих машинах уезжали на ночь за пределы 30-км зоны в маленький город Иваньково. Там была т.н. гостиница. В комнатах стояли 2–3 железные кровати. Я спал на кровати, которую мне любезно «передал» Л.А. Ильин. Ужинали и завтракали мы в «ресторане» при гостинице. Считалось, что в Иваньково уровень излучения значительно ниже. Я принял решение провести дозконтроль в гостинице. Как и ожидалось, гостиница была прилично загрязнена. Например, уровень загрязнения кресел в ресторане достигал 3 мР/ч.

В середине мая произошло событие, которое вновь вернуло нас к первому дню аварии. Ночью 26 мая возник пожар между блоками 3 и 4. Все члены Правительственной комиссии в это время находились в Иваньково. В 5 утра нас всех разбудили, машины уже стояли у гостиницы. Лев Алексеевич Воронин нам успел сказать, что на станции пожар, и мы все помчались в Чернобыль. Конечно, мое состояние было очень сложное: тревога, страх за возможные глобальные последствия. Одновременно я был собран и готов к принятию необходимых решений и действий. По-видимому, тревога до нас дошла слишком поздно, т.к. по дороге в Чернобыль уже двигались колонны пожарных машин из всех близлежащих населенных пунктов. Население Иваньково уже не спало, люди стояли вдоль дороги и провожали наши машины полным молчанием и тревожными взглядами, в которых можно было прочитать: «Опять случилось?». В штабе нам сообщили, что пожар уже потушен, «технических последствий» нет, никто не пострадал; причина пожара – загорелись кабели между аварийным 4-м и 3-м энергоблоками.

На одном из оперативных совещаний было принято решение вылететь в г. Брагин и оценить радиационную обстановку в этом городе с целью возможной эвакуации населения. Возглавлял эту группу Юрий Антониевич Израэль. Утром следующего дня большая группа оперативного штаба, включая меня, вылетела на вертолете в г. Брагин.

С руководством города по существу вели переговоры Ю.А. Израэль и я. В городе проживало около 10 тыс. человек. Расчеты показывали, что население за год может быть облучено в суммарной дозе 6–7 рад. Мы рекомендовали временно вывести из города и района детей, активно проводить дезактивацию города и др. мероприятия. Чтобы хоть немного успокоить руководство города и убедить, что острая лучевая болезнь у населения не разовьется, я подробно рассказал о результатах уникального «Хронического эксперимента» [1]. Этот эксперимент был проведен на собаках, моделировалась радиационная обстановка при полете к Марсу. 250 собак ежедневно облучали в течение 6 лет, наблюдения за всеми животными осуществлялись до их естественной гибели, суммарные дозовые нагрузки были весьма близки к тем, которые оценивались в г. Брагин. Эти результаты были достаточно убедительны, и решение об эвакуации населения из города не было принято.

26 мая я попал в Чернобыле в автомобильную аварию. На перекрестке на машину «Волгу», в которой я находился, наехал «КамАЗ», груженный радиоактивным грунтом. Удар был с моей стороны, но я чудом остался жив. Меня отделяло расстояние от места его удара, равное 20–30 см. Я отделался легким сотрясением мозга. День пролежал, день поработал, однако 29 мая по решению председателя Правительственной комиссии меня отправили в Москву и положили в «родную» больницу № 6. Врачи больницы во главе с Валерием Ивановичем Краснюком энергично взялись за меня, провели обследование, как общее клиническое, так и по оценке наличия радиоактивных веществ в организме, подлечили, и я вскоре выписался.

В день выписки из больницы мне позвонил домой директор Института атомной энергии и Президент АН СССР Анатолий Петрович Александров. Он попросил меня дать ему подробную информацию о положении дел в Чернобыльской зоне по радиационной безопасности, о состоянии здоровья населения, как защищены ликвидаторы, используются ли респираторы. Он задал мне много других вопросов. Разговор продолжался около 15 минут, он меня не прерывал и внимательно выслушивал. Однако сам звонок домой и характер заданных вопросов позволил мне предположить, что Анатолий Петрович продолжает находиться под тяжелым прессом случившегося и он пытается получить информацию из всех возможных источников.

После выписки из 6-й больницы в течение еще нескольких месяцев я привлекался Л.А. Ильиным в основном к анализу и обобщению материалов, связанных с медицинскими потерями при аварии на ЧАЭС. Совместно с сотрудниками Института А.К. Гуськовой, О.А. Павловским, У.Я. Маргулисом, В.А. Книжниковым и др. мы готовили доклады в МАГАТЭ, в Третьем главном управлении, в МЗ СССР. Я, например, получил прямое указание от начальника Главка срочно подготовить часть отчета Правительственной комиссии по разделу, где Минздрав был соисполнителем, согласовать его с замминистрами Минздрава СССР О.П. Щепиным и Е.И. Воробьевым.

Мне пришлось провести дискуссию по итогам этих событий с делегацией медиков из скандинавских стран в АМН СССР. Это была очень длительная беседа. Я как очевидец подробно рассказал им об уникальном опыте клинического отдела Института

биофизики, о проделанном объеме работ по лечению больных ОЛБ, о проводимых профилактических мероприятиях на ЧАЭС. На иностранных специалистов произвела сильное впечатление моя информация. Мое заключение о том, что только наша страна могла справиться в острый период с этой ситуацией, было воспринято с полным пониманием.

На основе полученного опыта по горячим следам я написал памятку для населения по радиационной безопасности, которая была издана в Энергоатомиздате [2]. Ее тираж мгновенно разошелся. Я получил предложение от БМЭ написать соответствующую статью. Это мною было незамедлительно сделано и статья «Радиационная безопасность на атомных электростанциях» была опубликована в дополнительном томе БМЭ [3]. По итогам работы на аварии ЧАЭС мною была написана статья в журнал «Радиобиология», опубликованная в 1987 г. [4].

Проблема оценки последствий аварии на ЧАЭС начала со временем постепенно «расползаться»: Украина пыталась удержать у себя ряд ценных материалов, в Институте медицинской радиологии АМН СССР начал создаваться Всесоюзный регистр по ликвидаторам, в Белоруссии был подключен к исследованиям последствий аварии ряд институтов и центров. Появились новые личности, претендующие на большой вклад в работу по ликвидации аварии на ЧАЭС. Это было особенно ясно видно из списка сотрудников, представленных к правительственным наградам.

Конечно, работа с первого дня аварии на ЧАЭС в больнице № 6 и в последующем в Чернобыле была беспристрастной проверкой моих накопленных знаний и жизненного опыта. Пережитые события в конце апреля, в мае–июне 1986 г. вернули меня и к воспоминаниям моего пребывания на фронте в 1943–1944 гг. Да и сейчас приходится возвращаться к чернобыльским событиям – обращаются ко мне с соответствующими просьбами корреспонденты, телеведущие, родственники и друзья. Отказать им в этих просьбах я не имею права – новое поколение должно накапливать базовую информацию.

После аварии на атомной электростанции «Фукусима-1» в 2011 г. мне поступило большое число тревожных обращений от зарубежных коллег, которые работают со мной по проблеме зашиты здоровья населения от электромагнитных полей сотовой связи. Они знали, что я принимал участие в ликвидации аварии на ЧАЭС. Обращения с просьбой дать совет присылались из очень многих стран (США, Великобритания, Австралии, Норвегии, Франции, Швеции и др.). Эти просьбы касались в основном режима приема йода, эвакуации молодых семей (их детей), близких родственников из Японии, безопасности морских продуктов и др. проблем, относящихся к здоровью населения. По просьбе коллег из США я подготовил и опубликовал статью в американском экологическом журнале о своем опыте действий в первые 6 недель после аварии на ЧАЭС [5]. В последующем эта статья была перепечатана в других зарубежных журналах.

Прошло 30 лет после аварии на ЧАЭС, но все трагические события, связанные с этой аварией, остаются в нашей памяти. Низкий поклон всему медицинскому высокопрофессиональному персоналу, который самоотверженно боролся за жизнь каждого пострадавшего.

На основе личного опыта, я глубоко убежден, что только наша страна смогла справиться с этой глобальной катастрофой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Григорьев Ю.Г., Попов В.И., Шафиркин А.В. Соматические эффекты хронического гамма-облучения. – М.: Энергоатомиздат. 1986. 196 с.
2. Григорьев Ю.Г. Памятка населению по радиационной безопасности. – М.: Энергоатомиздат. 1990, 16 с.
3. Атомная промышленность, радиационная безопасность на АЭС // БМЭ. Т. 29. 1988. С. 784–793.
4. Радиационная безопасность на атомных электростанциях // Радиобиология. Вып. 2. 1987. 147–153.
5. Grigoriev Y.G. Six first weeks after Chernobyl nuclear accident (memoirs of an eyewitness) // Environmentalist. 2012. V. 32. № 2. P. 131–135.

Поступила: 18.03.2016
Принята к публикации: 28.03.2016